

СТАНОВЛЕНИЕ СЕТЕВОЙ КУЛЬТУРЫ: КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ДИСКУРСИВНАЯ ЭТИКА

Ольга Алексеевна Воронкова

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва Россия

olga.voronkova1001@mail.ru,
ORCID 0000-0003-1165-1768

Для цитирования: Воронкова О. А. Становление сетевой культуры: коммуникативная компетентность и дискурсивная этика // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 2. С. 11–23. DOI 10.19181/snsp.2026.14.2.1. EDN BIVGLX.

Аннотация. Статья посвящена вопросам становления коммуникативной культуры в новых технологически изменённых условиях социального взаимодействия. Эти условия предполагают, с одной стороны, расширение возможностей коммуникации, а с другой – несут в себе риски углублённой манипуляции массовым сознанием, а именно: введения общества в информационное заблуждение методами донесения недостоверных сведений, тенденциозности подачи и интерпретации событий, использования технологии deep-fake, демагогических приёмов в дискурсивных процессах. Нейтрализация деструктивных факторов, серьёзно препятствующих развитию свободной коммуникации, зависит как от внешнего купирования периодически возникающих угроз и рисков, так и от внутренних процессов саморегуляции коммуникативного пространства – роста уровня коммуникативной компетентности социума и становления дискурсивной этики.

Ключевые слова: эпоха трансмодерна, транскультура, массовое сознание, социальность нового типа, коммуникативная компетентность, дискурсивная этика

Введение

Технологическое развитие интернет-коммуникаций в XXI веке преобразует всю социальную систему: социальную структуру, характер социальных отношений и взаимодействий. В сетевой коммуникативной среде происходят когнитивно-обменные процессы, постоянные дискуссии, столкновения различных мнений, взглядов и интерпретаций, что формирует социальный запрос и побуждает исследователей к пересмотру ключевых категорий социологии и политологии, ставит вопросы научного обоснования процесса становления сетевой культуры и сетевого социума. В предлагаемой читателю статье логика анализа строится от феномена сетевой культуры через рассмотрение особенностей адаптации

к ней массового сознания к роли коммуникативной компетентности при формировании дискурсивной этики.

Сетевая культура

Сетевая технологически обусловленная реальность задаёт условия для социально-ментального выхода из идеологических структур предшествующей эпохи модерна, предопределяющих формирование единого массового мировоззрения и поведения. Но такой выход оказывается непростой задачей не только для «простого» обывателя, но и для «продвинутого» участника происходящих процессов расширения и развития социальных сетей. От современной личности, глубоко погружённой в сетевую коммуникацию и взаимодействие, требуется оперативное развитие новых качеств, чтобы соответствовать новой эпохе *трансмодерна* [1, с. 52].

Наступающая эпоха трансмодерна характеризуется в социокультурном контексте как стадия диалектического преодоления этапа *постмодерна*. Этот этап, как и все исторически значимые переходы, сопровождается жёстким противоборством отживающих форм и вновь возникающих смыслов и способов осуществления жизнедеятельности.

Понятие культуры в эпоху трансмодерна меняет своё смысловое наполнение. В основе термина «культура», нагруженного многочисленными определениями и интерпретациями, лежит коренной компонент «культ» (от латинского *cultus*), который содержит смысл «почитания», «поклонения» [2, с. 9]. Если в традиционных обществах культура основана на почитании религиозных догматов, в эпоху модерна – на культе идеологии, в эпоху постмодерна – на культе массового материально-монетарного обогащения и потребления, то сетевая реальность XXI века возводит в главный принцип *культ свободной коммуникации*. В более широком аспекте процессы глобальной сетевизации затрагивают не только сферу коммуникации как таковую, но и другие сферы, расширяя категорию сетевой культуры до сетевой *цивилизации*. Категория цивилизации гораздо шире, чем категория культуры. Цивилизация включает в себя не только духовные, но и те материальные и нематериальные аспекты социальных отношений, на которые технологическое развитие оказывает значимое и ярко выраженное влияние – характеристики массового поведения: возрастание социальной активности и мобильности, быструю смену идентичностей и пр.

В контексте социальных и политических отношений происходит вовлечение социума в глобальные дискурсивные процессы, которые объективно требуют запуска сложной работы по определению новых ценностей, норм, правил и принципов взаимодействия.

Научная парадигма мультикультурализма – необходимости мирного сосуществования многообразных укладов жизни различных обществ – сменяется парадигмой *транскультурализма* – глобального *взаимопроникновения* культур.

Концепция транскультуры предполагает не только открытость разных культур, но и их взаимную вовлечённость в условиях постепенного выравнивания материально-технологических базисов развития территориально-пространственных областей, а вслед за этим – духовно-ментальных социальных сфер.

Современная сетевая модель культуры не может быть создана без понимания наступившей гибридно-коммуникативной реальности, в которой пересекаются различные смысловые сущности, практики и символические формы их представлений. По определению культуролога М. Эпштейна, это «иная модель развития культуры», «жизнь на перекрёстке культур» [3, с. 114]. Транскультура – особое состояние человека, освобождённого от ограничений прежних культурных форм. Глобальное расширение коммуникационных сетей трансформирует традиционно-религиозные и идеологические культурные коды в коды *культуры свободы*. М. Кастельс понимает эту культуру как доступ к «технологии свободы» «с целью достижения автономии от институтов и организаций» [4, с. 18]. М. Эпштейн трактует эту свободу как выход в новую сферу культурного развития за границы сложившихся национальных, расовых, гендерных, профессиональных культур. Это трудный процесс выхода за пределы традиционности, «идеологических маний и фобий» [3, с. 119]. Среди множества свобод, которые провозглашаются неотъемлемыми правами личности, возникает ещё одна, быть может самая ёмкая: «свобода от той *собственной культуры*, в которой родился и был воспитан. Транскультурное движение умножает степени свободы внутри культуры» [3, с. 117–118].

Включение в сетевую коммуникативную среду влечёт за собой важные последствия для современных социальных форм и процессов. Это, прежде всего, развитие стимулов, побуждающих к расширению личностных возможностей выбора и социальной интеграции по самостоятельно выбираемым критериям. Культура свободы означает выход за семиотические рамки условностей, навязываемые человеку при рождении в период его первичной социализации. Возможности социального обсуждения тем и вопросов, возникающих в процессе сетевой коммуникации, противостоят попыткам тотального контроля над средствами коммуникации. При всех усилиях традиционных институтов управления контролировать и блокировать информационные и коммуникационные потоки в интернете, аудитория перестаёт быть объектом одновекторного воздействия, каким она являлась для идеологически заряженной «четвёртой власти» СМИ. Прозрачность интернет-коммуникации подрывает традиционные механизмы интеграции обществ: жёсткие нормативные императивы, навязываемые властные авторитеты, архаично-патриархальные ценности, нивелирует безапелляционность подачи информации, разрушает барьеры на пути её социальной интерпретации. Технологические принципы расширения социальных сетей, в которых активизируются процессы обмена информацией, выдвигают на новый этап вопросы сущности и развития коммуникативных процессов, поставленные ещё на первой стадии НТР во второй половине XX века классиками теории коммуникации Ю. Хабермасом и Н. Луманом.

Ю. Хабермас в «Теории коммуникативного действия» противопоставил идеологию как «систематически искажённую» форму коммуникации социальному дискурсу, свободному от любого силового давления. Социальный дискурс у Ю. Хабермаса – это коммуникативный процесс, в котором происходит столкновение рационально обоснованных аргументов, выдвигаемых участниками, с целью достижения взаимопонимания [5]. Ю. Хабермас определяет дискурс, исходя из модели «идеальной речевой ситуации», основанной на рациональном поведении участников коммуникативного взаимодействия, предполагающем способность преодоления своих чисто субъективных воззрений и достижения рационально мотивированной убедительности приводимых аргументов. В случае превращения риторической силы аргумента в застывшую догму, инструмент манипуляции личностным и массовым сознанием действие иррационально и взаимодействие не дискурсивно, считает Ю. Хабермас. В рационально-критических дебатах побеждает «лучший аргумент», а принципиальной целью является движение от конфликтующих интересов к социальному консенсусу [5].

Критик Ю. Хабермаса Н. Луман рассматривал социальную систему как комплексный организм, состоящий из различных подсистем – экономики, политики, права, обыденно-повседневной жизни [6]. Связи между ними нестабильны и противоречивы. В подсистемах задействованы не только рациональные факторы, но и множество других, в том числе физиологические, биологические, психические. При этом Н. Луман стоял на позиции, что, несмотря на сложность и противоречивость событийных аспектов жизни, именно коммуникация является тем средством, которым социальная система способна воспроизводить и реформировать себя, запуская социальную рефлексию по поводу текущего состояния дел, проецируемую на аспекты должного устройства социальной системы. Коммуникативные связи и отношения обеспечивают внутреннее смысловое сцепление. Смысл в его связке с символикой является основным фактором, отличающим социальную систему от биологической. Если в биологической системе смысл основан на базово-инстинктивной потребности выживания и размножения, то в развитой социальной системе смысл намеренно привносится в социальные отношения и облекается символикой, определённой для каждой эпохи развития человечества. Социальные смыслы не стабильны и постоянно смещаются во времени. Ю. Хабермас, по убеждению Н. Лумана, в своей идеальной модели дискурса не учитывает особенности этих смещений и изменений. Рассмотрение коммуникативного действия лишь как рационального ограничивает возможности решения проблем комплексности и динамичности социального мира.

В социальной реальности достижение «идеальной речевой ситуации» практически невозможно. Более того, создание идеально-рациональной ситуации способствует торможению дискурсивного процесса и даже доведению его до крайних точек – блокировки, абсурдизации. Дискурс возможен только как столкновение различных проявлений жизни, в которых возникают различные вопросы и проблемы, требующие обсуждения и решения. Любое общество

существует в состоянии необходимости решения текущих вопросов и конечного сугубо рационального их разрешения быть не может – из-за плюрализма и динамики личностных и групповых интересов, ценностей и мнений в постоянно меняющихся жизненных ситуациях. Возможны лишь временно достигаемые компромиссы и соглашения. Тем не менее, нельзя не согласиться с Ю. Хабермасом в том, что объективно возможно свести конфликты субъективных интересов до минимума. Однако для того, чтобы достичь социального консенсуса, объективно необходим переход массового сознания на качественно новый уровень.

Массовое сознание и новая социальность

Массовое сознание как продукт процессов социальной институализации в конкретном обществе неоднородно вследствие нелинейности и противоречивости исторических процессов развития общества. Неизбежное развитие производительных сил, технологий, глобальный экономический взаимообмен, работающие на повышение уровня жизни, объективно способствуют изменениям в массовом сознании. Но эти изменения не происходят автоматически вслед за технологическими изменениями. Массовое сознание ориентировано главным образом на решение повседневных задач. В обыденной жизни повседневные задачи выполняются почти в автоматическом режиме без осознания глубоких причин – почему это делается так, а не иначе, – без применения каких-либо специально разрабатываемых стратегий. Часто мотивами повседневного массового поведения являются традиционно сохранившиеся, передаваемые от старшего поколения к младшим устои и нормативы: «так всегда делали наши предки», «так положено», «так принято». В практическом массовом сознании нет каких-то весомых оснований искать и объяснять цели и мотивы обычных действий. На ранних стадиях социализации в массовом сознании формируется ментальная матрица, которая прочно фиксируется в виде прагматичных установок повседневного поведения, привычных навыков решения бытовых вопросов. Сложившиеся установки догматизируются и закрываются от любых, не вписывающихся в сложившуюся ментальную структуру доводов и аргументов.

Социологами и психологами замечена слабая восприимчивость человека к тем событийным изменениям, которые не слишком затрагивают ход повседневной жизни. Практическое массовое сознание отстраняется от решения сложных социальных и политических вопросов, возникающих за пределами узкого обывательского мира. В идеологически заданных условиях ментальная матрица массового сознания ориентирована на принцип руководства, направляющей силы, генеральной линии и пр. Д. Ольшанский, основываясь на наблюдениях З. Фрейда, отмечал, что массовое сознание чрезвычайно легко поддается влиянию руководящих властных авторитетов [7, с. 18].

Проводимые в разное время исследования восприимчивости массового сознания к поступающей информации показывали, что адекватность зрительного восприятия или восприятия на слух довольно низкая и мало изменяется

со временем. В 80-е гг. XX века исследования понимания газетных текстов показывали, что, в зависимости от уровня образования, адекватное понимание печатных текстов демонстрировали от 17 до 35% участвовавших в экспериментах. В 90-е гг. сходные результаты были получены при интерпретации общественно-политических телепрограмм [8, с. 55].

Д. Ольшанский, ссылаясь на результаты специальных экспериментов, отмечал, что на слух воспринимается и запоминается не более 20% информации: как правило, улавливается лишь самое главное, прежде всего тема сообщения. Поэтому в медийных сообщениях рекомендуется несколько раз повторять основные моменты, подбирая разные слова для выражения одного и того же содержания [7, с. 237]. В донесении информации до зрителя репортёры в дополнение к речевому инструментарию часто используют язык жестов для привлечения большего внимания аудитории.

Исследователями массового сознания был замечен феномен отставания массовой ментальности от изменений, происходящих в экономических, социальных и политических отношениях [9]. И в XXI веке подтверждается явление *социальной аномии*, замеченное классиками социологии ещё в начале XX века, – слабой способности массового сознания быстро перерабатывать новые потоки информации и перестраивать устоявшиеся нормы, регулирующие повседневное поведение. К основным традиционалистским причинам инерции массового сознания добавляется фактор агрессивного воздействия средств пропаганды, агитации и маркетинговой рекламы в целях продвижения определённых интересов.

Таким образом, авторами в разных временных периодах зафиксированы серьёзные противоречия, вызванные, с одной стороны, решительным стремлением талантливых, образованных и активных представителей различных слоёв общества продвигать новые идеи, меняющие привычный уклад жизни, и, с другой стороны, слабой способностью массового сознания быстро перестраиваться и справляться с изменениями. Именно эта неспособность, по выводам К. Юнга, закладывает основание для компенсаторной реакции «коллективного бессознательного». Проявления таких реакций могут быть различными: возврат к архаичной риторике и практике, усиление апатичных и депрессивных настроений, возбуждение разрушительной активности и пр. Но, как считал К. Юнг, «архетипы бессознательного» могут меняться, если появляются мощные стимулы, затрагивающие ход повседневной жизни.

«Архетипы бессознательного», вытесненные в подсознание в неактивном состоянии, всплывают на поверхность практического сознания в критические моменты жизни, которые вынуждают «практически-автоматическое» сознание трансформироваться в «дискурсивно-рефлексивное» [10, с. 111].

Технологические революционные изменения XXI века предоставили множество мощных стимулов для такой трансформации, можно даже сказать – их переизбыток. Слишком большое количество информации, фактов, деталей, цифр вынуждает массовое сознание прилагать неординарные усилия для ориентации в быстро меняющейся реальности. В сетевом коммуникативном

взаимодействии появляются возможности получения любой информации, что поднимает на новый уровень всю систему образования, социализации и групповой интеграции для решения возникающих вопросов и проблем. Нет необходимости в заучивании и конспектировании какого-либо материала, как этого требовала традиционная система образования. Социализация молодёжи протекает по другим каналам и направлениям, чем во времена доминирования религиозных традиций и идеологий. В социальных сетях, в которые молодёжь вливается с момента научения пользования гаджетами, возникают виртуальные референтные группы и сообщества, часто более значимые для новых поколений, чем традиционные семейные, образовательные, профессиональные и пр.

В то же время возникают технологически облегчённые условия для продвижения частных интересов, не всегда совпадающих с интересами достижения социальной справедливости, поиска истины, консенсуса и т. п. Заинтересованные сетевые акторы используют всевозможные средства и приёмы как для привлечения, так и для отвлечения внимания пользователей от вопросов и проблем – в зависимости от преследуемых ими целей. Повышаются и расширяются возможности и риски манипуляции массовым сознанием как в открытой, так и скрытой формах: а именно: введением общества в заблуждение донесением недостоверной информации различными способами, тенденциозностью подачи и интерпретации событий, путём использования технологии дипфейков, демагогических приёмов в дискуссионных процессах.

Тем не менее в новых сетевых коммуникативных средах происходит становление «социальности нового типа» [11, с. 69], которая определяется через развитие способности социума к ментальной рефлексии по поводу происходящих событий. Расширение коммуникативных возможностей побуждает массовое сознание постоянно переосмысливать события быстро меняющейся реальности и искать способы самореализации в ней. И эти процессы поднимают на новый уровень вопросы *коммуникативной компетентности*, поставленные классиками теории коммуникации в 60-е гг. XX века.

Коммуникативная компетентность и клиповое мышление

Коммуникативная компетентность означает, прежде всего, свободную ориентацию в разноплановом информационном пространстве, основанную на осмысленном отношении личности к себе и окружающему миру. В каждом акте такого отношения личность предъясвляет свою обдуманную и взвешенную позицию, даже если она не всегда выражается прямо. Позиции личности (достигшей в своём ментальном развитии стадии критически-аналитического мышления) всегда находятся в процессе оспаривания, критики, защиты или пересмотра.

Как справедливо отмечают современные исследователи, коммуникативная компетентность является *интегративной* характеристикой человека, определяющей его потенциал как успешного субъекта социального взаимодействия [12].

Категория *коммуникативной компетентности* включает в себя не только рациональное зерно, но и другие немаловажные аспекты: перцептивный, когнитивный, мотивационный, а кроме этого, предполагает накопление жизненного опыта и опыта участия в дискурсивных процессах. Коммуникативная компетентность подразумевает владение комплексными навыками и умениями во многих сферах социального взаимодействия: развитие способностей находить убеждающие аргументы в защиту своей позиции в разговорах, спорах и дискуссиях, свободно оперировать ими при необходимости оспаривания оппонированных аргументов. Коммуникативная компетентность включает в себя достаточно глубокие, обстоятельные знания обсуждаемого материала – фактов, причин, истории возникновения тех или иных событий, их интерпретаций и проявлений. Но, кроме того, на внутреннюю мотивационную готовность к дискуссиям и толерантность в отношении оппонированных мнений влияют и эмоционально-психические, и волевые аспекты сознания.

Коммуникативную *некомпетентность*, как антипод компетентности, можно определить как неспособность, неготовность и/или нежелание проникать в глубинные причины, исторические корни тех или иных событий. Инерция мышления и поведения массового сознания поддерживает состояние полагания на другие, традиционно авторитетные или даже не слишком авторитетные суждения: мнение большинства, модные тренды и пр.

Непрерывный поток разноплановой информации требует иной скорости и глубины ментально-психических процессов. Личность в сетевой коммуникативной среде может вполне ограничиваться и довольствоваться поверхностными фрагментарными, отрывочными сведениями о происходящих событиях и явлениях – так называемым «клиповым», или «коллажным», набором коротких текстов, образов, видеосюжетов и пр. Но такое «клиповое мышление» вовсе не означает отсечение способности логических рассуждений в пространстве и времени, как это поспешили констатировать некоторые исследователи этой тематики [13].

Клиповое мышление скорее развивает способности к быстрому переключению внимания с одного объекта на другой при столкновении с противоположно направленными интерпретациями событий, чем вызывает реальный интерес, побуждает к размышлениям и определению собственного личностного отношения к информации. Больше, по нашему мнению, правы те эксперты, кто считает, что нельзя однозначно определить эту особенность современной эпохи как нечто абсолютно отрицательное, равно как и безусловно положительное. «Несомненно одно: не следует игнорировать или осуждать это явление только потому, что оно не соотносится с представлениями о той культуре, которую принято считать образцовой, классической. Жизненные приоритеты не могут оставаться неизменными в быстро меняющемся мире» [14, с. 111]. Клиповое мышление можно характеризовать как стремление избежать информационного стресса, своеобразный способ защиты от информационных перегрузок.

Дискурсивная этика

Развитие дискурсивной этики становится особенно актуальным, но гораздо более сложным проектом в кризисных условиях, когда различие «хорошего» и «плохого», «правильного» и «неправильного», «морального» и «аморального» становится трудноразрешимой задачей. В контексте сетевого гибридно-информационного хаоса повышение коммуникативной и перцептивной компетентности субъективно требует нетривиальных волевых усилий. Человеку с ранних лет приходится учиться ориентироваться в информационном хаосе, а для успешной ориентации необходимо развивать в себе способность не пропускать «мимо ушей» текущую событийную информацию: не только слушать, но и слышать, не только смотреть, но и видеть, не только узнавать, но и осознавать.

На более высоких стадиях развития сетевой культуры возникает необходимость в разработке механизмов убеждения для участников коммуникации разного уровня включённости в дискурсивный процесс – как для тех, у кого уже сложилась определённая позиция по обсуждаемому вопросу, так и для тех, кто ещё находится в состоянии сомнений и процессе самоопределения.

Убеждающая коммуникация базируется на поиске влиятельных аргументов и обоснований для высказываемой позиции. Но, как справедливо отмечают разработчики этой тематики, этот процесс «не базируется исключительно на логоцентризме и может предполагать интуитивное принятие аргументов в пользу ценностей, обоснований, предпочтений и мнений» [15, с. 228].

В этом процессе важным аспектом влияния на сознание является сетевая интериоризация, вовлечение в референтные среды, которые становятся новыми источниками энергии для коммуникантов. В таких средах, образующихся на пересечении внешних и внутренних взаимодействий в интернет-сетях, возникают новые смысловые узлы – центры формирования отношений к происходящим событиям, в которых по принципу «расходящихся кругов» происходят сложные процессы принятия, отторжения или изменения ценностей, обоснований и предпочтений. Таким образом формируется общественное мнение, которое либо совпадает с «генеральной линией» подачи информации, либо ей противоречит – в зависимости от убедительности преподносимых аргументов.

Способности ориентироваться в хаотичном сетевом поле разноплановых мнений и оценок развиваются по мере всё большей вовлечённости в дискурсивные процессы, в которых задействуются различные семиотические средства: от коротких, ничем не подкреплённых высказываний до доказательной аргументации – ссылок на авторитетные источники и видеосюжеты. Но для одних слоёв аудитории авторитетным источником может быть публичная риторика, а для других – источники «из первых рук», подаваемые как «свидетельские показания» теми авторами, которые пытаются представить себя аудитории включёнными в «закрытые» обсуждения, к которым нет доступа другим. Доверие или недоверие источникам разного типа зависит от многих причин, прежде всего – от тех ментальных гештальтов, которые сложились ранее

и были сохранены в «картах мозга», а также от субъективно проживаемого опыта, позволяющего сравнивать житейскую реальность с её интерпретацией различными информантами и коммуникантами. В этом процессе рациональные, эмоциональные и интуитивные компоненты могут как взаимодополнять, так и противоречить друг другу. И промежуточные эффекты влияний зависят от соотношения «весов» мнений и оценок в тех или иных обстоятельствах.

В условиях становления глобальной транскультуры процессы изменений в массовой ментальности и развитие новой социальности происходят быстрее, но они неизбежно должны преодолеть кризисный этап самоопределения.

На социокультурном уровне происходит переоценка индивидуального отношения к установившимся формальным правилам и условностям: общепринятым маркерам престижа, монетарно-материальным показателям «успеха». Молодёжь, в большей степени вовлечённая в социальные сети, в меньшей мере считает необходимым и обязательным для себя следование традиционным установкам, ценностям и нормам.

Заключение

Становление сетевой культуры – насущная потребность *новой социальности* выйти как за рамки тенденционности, так и из эклектики тех векторов влияния, которые мешают адекватно оценивать текущие события. Новое знание запускает процесс формирования критически-аналитического мышления на уровне социума.

В условиях расширения возможностей коммуникативного обмена дискурсивная этика вырабатывается не путём установления жёстких ограничений свободной коммуникации. Такие меры могут иметь лишь краткосрочный и чисто поверхностный эффект. Жёсткие ограничения технологически быстро развивающейся коммуникативной сети приводят к «эффекту бумеранга» – когда попытки блокировок одних сегментов сети приводят к обрушению систем, которые необходимы самим управленческим центрам для осуществления контроля над социальной коммуникацией. Поэтому вмешательство управленческих центров в процесс становления сетевой культуры и дискурсивной этики должно ограничиваться применением модераторских фильтров в отношении использования нецензурных и оскорбительных выражений, купированием криминально направленной коммуникации. Остальные аспекты становления дискурсивной этики лежат в сфере саморегуляции коммуникативного пространства: взаимокоррекции орфографии, грамматики и речевого стиля участников дискуссий (блогеров, интерпретаторов и комментаторов), взаимной критики некомпетентности, разоблачения демагогических приёмов в коммуникации, призывов к уважению оппозиционных мнений.

Дискурсивная этика формируется в сложных условиях гибридно-хаотичной коммуникации, но именно свободная коммуникация является основным фактором достижения социального взаимопонимания и консенсуса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сети отношений и политическая реальность / О. М. Михайленок, А. В. Назаренко, О. А. Воронкова [и др.] ; отв. ред. О. М. Михайленок. М. : ФНИСЦ РАН, 2025. 276 с. ISBN 978-5-89697-448-2. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-448-2.2025](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-448-2.2025). EDN [MSBLFM](#).
2. *Ионин Л. Г.* Социология культуры. М. : Логос, 1998. 280 с.
3. *Эпштейн М. Н.* Будущее гуманитарных наук: Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века. М. : Панглосс, 2019. 239 с. (Серия «ЛекцииPRO»). ISBN 978-5-386-12499-1.
4. *Кастельс М.* Власть коммуникации: учеб. пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 591 с.
5. *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalisation of Society. Boston : Polity Press, 1991. 465 p.
6. *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. Vol. 2: The Critique of Functionalist Reason. Boston : Polity Press, 1992. 457 p.
7. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман ; пер. с нем. И. Д. Газиева ; под ред. Н. А. Головина. СПб. : Наука, 2007. 648 с. ISBN 978-5-02-026871-5. EDN [QOHQND](#).
8. *Ольшанский Д. В.* Психология масс. СПб. : Питер, 2002. 368 с. ISBN 5-318-00038-X.
9. Дискуссионные проблемы социальной психологии : монография / А. Ю. Нагорнова, Ю. А. Клейберг, Е. Л. Яковлева [и др.] ; отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск : Зебра, 2018. 153 с. ISBN 978-5-6040862-0-9. EDN [XPVDRR](#).
10. *Хевеши М. А.* Толпа, массы, политика: Ист. филос. очерк. М. : ИФ РАН, 2001. 223 с. ISBN 5-201-02045-3.
11. *Юнг К. Г.* Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991. 304 с.
12. *Тимофеева Л. Н.* Новая социальность в информационной повестке дня: роль старых и новых медиа // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 64–69. EDN [TNXVHQ](#).
13. *Недбаева С. В., Недбаев Д. Н., Ткаченко В. В.* Коммуникативная компетентность: содержание и структура // Здоровье и образование в XXI веке. 2017. Vol. 19, № 12. С. 353–357. EDN [ZXXPRB](#).
14. *Шеметова Т. Н.* Клиповое интернет-сознание как тип пралогического мышления // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4 (2). С. 254–259. EDN [RUBWQN](#).
15. *Розеватов Д. А., Розеватов Г. А.* Феномен клипового сознания в условиях информационного стресса // Современные лингвокоммуникативные практики: Межвузовский научный сборник. Саратов : ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. С. 107–112. EDN [KWQYSC](#).
16. Социальные сети: Власть, коммуникация и стратегии поведения / И. С. Бурикова, О. А. Игнатьева, Д. А. Калямина [и др.] ; отв. ред. Л. В. Сморгун. М. : Аспект Пресс, 2025. 322 с. ISBN 978-5-7567-1381-7. EDN [MORORB](#).

Сведения об авторе

О. А. Воронкова

кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [6099-9170](#)

Статья поступила в редакцию 29.01.2026; одобрена после рецензирования 30.03.2026; принята к публикации 10.04.2026.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.2.1

THE FORMATION OF NETWORK CULTURE: COMMUNICATIVE COMPETENCE AND DISCURSIVE ETHICS

Olga Alexeevna Voronkova

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS

Moscow, Russia

olga.voronkova1001@mail.ru,

ORCID 0000-0003-1165-1768

For citation: Voronkova O. A. The formation of network culture: communicative competence and discursive ethics. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(2):11–23. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2026.14.2.1.

Abstract. The article is devoted to the formation of network communicative culture in the new technologically changed conditions of social interaction. These conditions imply, on the one hand, the expansion of communication opportunities, and, on the other hand, carry the risks of in-depth manipulation of mass consciousness, namely: misleading society into information misconception by methods of conveying false information, tendentiousness in the presentation and interpretation of events, and the use of technology deep-fake, demagogic techniques in discursive processes. Neutralization of destructive factors that seriously impede the development of free communication depends both on external control of periodically arising threats and risks, and on the internal processes of self-regulation of the communicative space – the growth of the level of communicative competence of society, the restoration of the socio-cultural system of common sense, the formation of discursive ethics as successive stages in the development of social self-consciousness.

Keywords: transmodern era, transculture, mass consciousness, sociality of a new type, communicative competence, discursive ethics

REFERENCES

1. Mikhailenok O. M., ed. Networks of relations and political reality. Moscow: FNISC RAN; 2025. 276 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-448-2. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-448-2.2025. (In Russ.).
2. Ionin L. G. Sociology of culture [Sociologiya kul'tury']. Moscow: Logos; 1998. 280 p. (In Russ.).
3. Epshtein M. N. The future of the humanities: technohumanism, creators, erotology, electronic philology and other sciences of the XXI century. Moscow: Pangloss; 2019. 239 p. (In Russ.). ISBN 978-5-386-12499-1.
4. Castells M. The power of communication: a textbook. Trans: N. M. Tylevich. Moscow: Izd. dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki; 2017. 591 p. (In Russ.).

5. Habermas J. The theory of communicative action. Vol. 1: Reason and the rationalization of society. Boston: Polity press; 1991. 465 p.
6. Habermas J. The theory of communicative action. Vol. 2: The critique of functionalist reason. Boston: Polity press; 1992. 457 p.
7. Luman N. Social systems. Essay on general theory. Trans: D. Gaziev, N. A. Golovin, ed. St. Petersburg: Nauka; 2007. 648 p. (In Russ.). ISBN 978-5-02-026871-5.
8. Olshansky D. V. Psychology of the masses. St. Petersburg: Piter; 2002. 368 p. (In Russ.). ISBN 5-318-00038-X.
9. Nagornova A. Yu., ed. Debatable problems of social psychology: collective monograph. Ulyanovsk: Zebra; 2018. 153 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6040862-0-9.
10. Heveshy M. A. Crowd, masses, politics. Philos. essay. Moscow: IF RAN; 2001. 223 p. (In Russ.). ISBN 5-201-02045-3.
11. Jung K. G. Archetype and symbol [Arxetip i simvol]. Moscow: Renessans; 1991. 304 p. (In Russ.).
12. Timofeeva L. N. New sociality in the information agenda: the role of old and new media. *VSU Bulletin. Series: History. Political Science. Sociology=Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya*. 2020;(2):64–69. (In Russ.).
13. Nedbaeva S. V., Nedbaev D. N., Tkachenko V. V. Communicative competence: content and structure. *Health and education in the 21st century=Zdorovye i obrazovanie v XXI veke*. 2017;19(12):353–357. (In Russ.).
14. Shemetova T. N. Clip Internet consciousness as a type of pralogical thinking. *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky=Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2013;4(2):254–259. (In Russ.).
15. Rozevatov D. A., Rozevatov G. A. The phenomenon of clip consciousness in the conditions of information stress. In: Modern linguistic and communicative practices: interuniversity scientific collection. Saratov: RANXIS; 2023. P. 107–112. (In Russ.).
16. Smorgunov L. V., ed. Social networks: power, communication and behavior strategies. Moscow: Aspekt press; 2025. 322 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7567-1381-7.

Information about the Author

O. A. Voronkova

Candidate of Politics,

Leading Researcher

ResearcherID: [ADG-1470-2022](#)

Scopus AuthorID: [54938516700](#)

The article was submitted 29.01.2026; approved after reviewing 30.03.2026; accepted for publication 10.04.2026.